Не спать всю ночь свобода

Виталий Каплан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ написан в 1996 году.

В 2003 году на основе этого рассказа В. Капланом создана повесть «Свобода выбрать поезд».

- Виталий Каплан
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Виталий Каплан
НЕ СПАТЬ ВСЮ НОЧЬ СВОБОДА

1

Я гляжу в окно, за которым привычно буйствует метель, гляжу на согнутые от висящего на них льда ветви клена. Они похожи на челюсти. Зубами служат острые сосульки, деснами — черные морщинистые прутья. В лиловом свете фонаря они кажутся облитыми какой-то запекшейся дрянью.

Древесное чудище скалится за окном, ему хочется попробовать меня на вкус. Но хрупкое стекло надежно разделяет наши миры — и холоду сюда не ворваться. А жаль. Уж лучше снег в лицо, лучше ледяные клыки, чем жужжание люминесцентной лампы, красные всполохи на дисплее и негромкое ворчание винта. И мои пальцы, нервно сжимающие черную двухкнопочную мышку.

Когда-то давно, еще до Реализации, я любил эту песню. Ту, что всплывает из памяти назойливой строчкой — свобода быть собою, не спать всю ночь свобода… Какая издевка — сейчас половина четвертого, и до рассвета остались долгие часы, но свобода — где она? Я раб, и мне уже никогда не стать собою. Да и был ли я им?

В окошке результата мигают красные цифры — 28746. А если вспомнить, что завтра — нет, уже сегодня тридцатое число, и до месячной нормы не хватает около семи тысяч, становится холодно. Несмотря на щедро снабжающую меня теплом батарею. Dura Lex, sed lex. Закон суров, но это — закон. Он выполняется непреложно, информационный разум не знает жалости, его не подкупишь толстой пачкой зеленых. Да и чем я могу ублажить Господина Варкрафта, если единственное, что нужно этой бестелесной гадине — набранные мною очки? Абстрактные цифры, говорящие лишь о том, что игра идет. Что он, Светлый Господин — жив.

Когда-то я любил книжки о вампирах. Стокер, Олшвери, Мак-Комон до чего же они были наивные ребята! Их традиционные мозги не смогли бы вместить и полпроцента нашей скучной прозы. Когда жизнь вертится вокруг Игры, миллиарды таких же, как и я, унылых созданий, просиживают дни и ночи за компьютерами, расстреливают из бластера мохнатых шестиногих пришельцев, бегают от скелетов по затхлым катакомбам, протыкают мечами звероподобных гоблинов…

Между прочим, не только за компьютерами. Есть же еще и Полигон.

2

Они позвонили в дверь как раз когда я снимал яичницу со сковородки. Нет, не стану утверждать, что меня окатило волной страха или что желтый яичный блин шлепнулся на пол. Ничего такого не было, я еще ночью подготовился к неизбежному. Хорошо хоть мамы нет сейчас дома она гостит у тети Лены в Питере. Точнее, в «мегаполисе N:345/56-RWQ2». Только мы, темные юзеры, пользуемся старыми названиями, а господа алгоритмы давно уже все за нас решили.

Маме еще повезло, она пенсионерка, а те избавлены от ежемесячной нормы. Господа Алгоритмы сочли их бесперспективными. Ну не могут косные старческие мозги освоить тонкости электронных сражений! Поздно им учиться. Так что Игры попросту махнули на пенсионеров рукой. Или чем у них там — юнитом каким-нибудь или блоком.

Хорошо им хоть пенсию не отменили.

…Когда так надрывно трезвонят, да еще в семь утра — сомнений быть не может. И лучше открыть не мешкая, ребята из СТП ждать не любят.

Им и не пришлось ждать, троим коротко стриженным крепышам в темно-зеленой форме. Я распахнул дверь и молча отступил на шаг.

— Ерохин? Андрей Михайлович? — деревянным голосом осведомился тот, что постарше. Судя по эмблеме на рукаве — капитан Службы Технической Поддержки.

— Да, он самый, — натянуто улыбнулся я, глядя в серый линолеум пола.

— Ну что ж, Андрей Михайлович, — прищурился капитан, — придется вам проехаться с нами. Оденьтесь, вещей собирать не надо.

— А в чем, собственно, дело? — глупо поинтересовался я. Хотя все было ясно.

— Да вы и сами знаете, — усмехнулся капитан. — Указ номер 34/8 от 05.11.01 за подписью Светлого Господина Варкрафта. Недобор месячной нормы. Желаете ознакомиться с бумагой?

Мне рассказывали, что поначалу эстепешники довольно вежливы. В самом деле, к чему им сейчас зверствовать? Господа Алгоритмы этого не одобрили бы. Раньше времени портить ресурс. Потом уж, на Полигоне…

— Нет, спасибо, — покачал я головой. — Погодите, сейчас оденусь…

— Вот и славненько, — посветлел лицом капитан и зачем-то

мигнул одному из парней. Тот неуловимым движением скользнул мне за спину и, сдавив предплечье, резко дернул его вверх.

Скорчившись от боли, я упал на колени. Что-то выскользнуло у меня из руки и со звоном покатилось по полу.

— Не обижайтесь, Андрей Михайлович, так будет лучше, — ободряюще кивнул мне капитан. — И вам спокойнее, и нам.

Оказывается, все это время в пальцах у меня была кухонная лопатка, которой я снимал яичницу. И ее-то они испугались?

3

Обезумевший ветер сечет мое лицо острыми кристалликами льда брызги застывают на лету, последнюю неделю стоят совершенно уже запредельные морозы. В такие дни лучше сидеть дома у батареи, и хорошо бы чай с лимоном, и по ящику что-нибудь успокоительное…

Вместо всего этого приходится ворочать неподъемным веслом, мышцы привычно болят, зато работа спасает от холода. Поистине труд делает свободным. Если, конечно, считать свободой осознанную необходимость.

Наш драккар уже пятые сутки ползет вдоль изрезанного скалистого берега. Ярл Сигурд Светлоусый, гроза морей и прочая, вознамерился сразиться с подлыми орками. В том ему, по идее, должно помочь волшебное копье, в древности сработанное самим Тором, Или Одином — я их все время путаю, что для историка постыдно. Но никогда не любил северной мифологии.

Впрочем, путаю не один лишь я. В Коллекторе, куда я попал сразу после ареста, нас обучали наспех, тамошнее начальство беспокоилось главным образом о сроках и объемах. И сейчас мы, недоделанные викинги, должны найти и обезвредить столь же недоделанных орков. Порукой чему длинная палка с зазубренным наконечником. Все ее волшебство заключено лишь в имени, а так — швабра шваброй. Но если приказано быть волшебной, будет. Ведь реализуется Алгоритм, мы все знаем свои роли, хотя предпочитаем помалкивать. Еще, чего доброго, на повторный срок пойдешь. Наверняка кто-нибудь из дружины Светлоусого постукивает в СТП. Должен у них быть свой человек, должен. Нет, не сам Сигурд, конечно (в миру Михаил Абрамович Зейдель, еще год назад — доктор филологических наук, университетское светило). Кто-нибудь помельче, понезаметнее. Им может быть кто угодно. К примеру, какой-нибудь плюгавый мужичок Хъярни Синий Зуб, или даже Олаф Сын Крысы, мой напарник по веслу. Ведь, если разобраться, ничего я об этом Олафе не знаю, даже настоящего имени. Может, какой-нибудь Вася Голопупкин из деревни Болдовка, а может, сэр Джеймс Вестфилд. Почему бы и нет, владения господина Варкрафта раскиданы по всему миру. Тем более, Олаф столь немногословен, что даже по его произношению ничего не поймешь.

Сейчас он привалился к неструганной спинке скамьи, вытянулся и закрыл глаза. Отдыхает. А мне еще грести не меньше получаса, потом сменимся. Елки-палки, двадцать первый век, а на это корыто даже мотор поставить нельзя. Нарушает, понимаешь,

колорит. Точно Господину Варкрафту не все по барабану, весла ли, гребной ли винт… Хотя, наверное, когда-то запрограммировали в нем такую картинку. А нам теперь надрывайся. Главное, почти три года впереди такой жизни. Если, разумеется, за это время меня не проткнут копьем или не сбросят за борт. Побултыхайся-ка в броне.

— Слышь, Свен, — повернулся ко мне отдыхающий Олаф, — базар один есть. Только сейчас стремно, притормозим пока. Но вообще клевая идея назревает.

И этого-то кадра я полагал сэром Вестфилдом! Вот уж впрямь сын крысы…

4

Сказать, что бой был жарким — это ничего не сказать. Выдвинувшаяся из тумана длинная ладья орков присоседилась борт в борт к нашему драккару, оттуда умело метнули крючья, притянулись, и мгновение спустя визжащая орочья орда посыпалась к нам на палубу.

Мы-то уже с полчаса как видели ихние маневры, но по сценарию полагалось, упившись вусмерть, быть застигнутыми врасплох. Мы и в самом деле приняли по чуть-чуть, раз уж сценарий дозволяет, тем более, в мороз самое оно. Но проглядеть орков не сумел бы и самый безнадежный алкоголик. Однако Игра есть Игра.

Картина была еще та. Ночь, луна то появляется в черных разрывах облаков, и тогда под ее мутными лучами блестят широкие, зазубренные изнутри ятаганы орков, то ее заволакивает плотная пелена, и лишь рыжий огонь факелов освещает наше ристалище. Слышатся крики боли пополам с матерщиной, как правило, нашей, родной, хотя временами звучит и иная речь. Главное, не требуется переводчика — все и так ясно. Все расписано на много ходов вперед.

Я сжимаю ставшую вдруг липкой рукоять меча, отмахиваясь от наседающего на меня орка. Когда луна выглядывает из облаков, видно, что это совсем еще юный парнишка, не старше семнадцати. Над губой у него едва лишь наметились мечты об усах. Но юноша тем не менее ловок и напорист. Копье в его руках так и играет, и вскоре он пробьет мою защиту.

А по сценарию мне положено его зарубить. Во вводной, которую заставляли выучивать чуть ли не наизусть, сказано: «И никто из мерзких косматых чудовищ не остался в живых». Интересно, знают ли об этом косматые чудовища?

— Как ты-то сюда попал? — кричу я, пытаясь поднырнуть под копье.

— Тебе не один хрен? — бормочет парнишка, резко отводя руку. Так, сейчас попробует ударить снизу. Ладно, это нестрашно, этому нас учили.

— Я-то ладно, я дядька взрослый и вообще историк, — миролюбиво поясняю, отбив мечом его удар, — я норму недобрал, и вообще эти компьютеры видал в гробу. Но вы, молодежь, вы же фанаты игрушек…

Сейчас говорить можно, в заварухе боя стукачам не до крамольных высказываний. Мальчик тоже это понимает.

— Я за анекдот, — хрипло сообщает он, оттесняя меня к

борту. Это плохо. Там я лишаюсь пространства для маневра, и очень скоро буду напоминать пришпиленную иголкой бабочку. В альбоме юного натуралиста.

— Что за анекдот? Рассказал бы уж напоследок… Мы ведь все равно живем для того, чтобы завтра сдохнуть.

— Да так, фигня, — сплевывает парнишка, — ну, значит, приходит Господин Варкрафт в баню…

Что было дальше со Светлым нашим Господином, я так и не узнал. Мальчик судорожно вздохнул, ойкнул и шлепнулся на мокрые доски палубы. Как раз появилась луна, и я увидел торчащий из его затылка тяжелый арбалетный болт. И темную лужицу возле вихрастой головы.

Из темноты выскользнула невысокая плотная фигура.

— Ну ты даешь, дядя! Он же тебя чуть не замочил, пока ты на его базары покупался, — укоризненно протянул Олаф… — Ну ядрена феня, сам точно пацан. Приглядывай тут за тобой… Ладно, пошли, этих косматых мы уже сделали.

Я стоял, не двигаясь.

— Ну ты чего, в натуре? — удивился Олаф. — К палубе примерз, да?

А я все смотрел на темную лужицу, которая начала уже подергиваться ледком.

5

Эту ночь можно спать спокойно. По сценарию следующий бой лишь дня через два, близ Земли Чертовых Скал. Северное побережье Норвегии, говоря по-простому. А пока нам ничего не грозит. Разве что ветер и волны. Но к ним дружина Сигурда Светлоусого уже привыкла.

Викинги, укрывшись всем, чем только можно, храпят в кубрике. Если только эту вонючую конуру можно так назвать. Я-то знаю, три года служил на Тихоокеанском флоте. В принципе меня и впрямь можно считать старым дядькой. Тридцать девятый пошел.

— Ну вот, сейчас самое оно, — удовлетворенно хмыкнул Олаф, кутаясь в тулуп. Конечно, по сценарию не положено, разрушает колорит, но если мы тут все вымрем, кто обеспечит Игру? И потому наши надзирающие на многое закрывают глаза.

— И о чем же ты хотел базарить? — хмуро поинтересовался я, глядя на мокрые доски палубы, куда изредка опускались подсвеченные луной снежинки. Облака наконец разошлись, и холодные огоньки звезд не спеша покачивались над нашими головами. То есть, конечно, качался на волнах драккар, но мы уже как-то привыкли брать его за неподвижную систему отсчета.

— Ну, для начала я тебя кой-чего спрошу, — усмехнулся Олаф. — А дальше посмотрим, как базар пойдет.

— Спрашивай, — кивнул я, пытаясь предугадать, чего же ему надо.

— Только честно, Свен — тебе не обрыдло загорать в этой курортной зоне?

— Глупый вопрос. Словно у меня есть варианты.

— Варианты всегда есть, Андрюша. Надо лишь вовремя подсуетиться.

Не слабо! Он знает мое настоящее имя, а сие категорически запрещено Сценарием. Оно и понятно: мы уже не люди, мы — персонажи Игры. Ладно, с Марком Зейделем мы пять лет на одном факультете преподавали, он — обобщенную семиотику, я — историю Дальнего Востока. Но и то не подали вида, что знакомы. Откуда ярлу Сигурду Светлоусому знать рядового дружинника Свена?

А этот, выходит, в курсе. Источник его информированности особых вопросов не вызывает. Сейчас добрый малый предложит неофициальное сотрудничество. Трудно, что ли, время от времени делиться своим мнением кто о чем говорит, и все такое? А зато в известных кругах ко мне отнесутся с пониманием. Три

года Полигона вполне могут ужаться и до полутора, а в случае заметного усердия — и того более. Скучно, братцы-викинги. Ничто не ново под кошачьим лунным глазом.

— Видишь ли, Андрюша, — задумчиво протянул Олаф, — жизнь, она штука хитро закрученная. Вот загораем мы тут, на драккаре, орков месим, обеспечиваем Светлому нашему Господину Варкрафту полноту жизни. А где-то по коридорам люди с автоматами бегают, в монстров палят. Это, значит, Господин Дум кушают. Кто-то на орбите барахтается, за шаттлами на буранах гоняются. Уфо изображают. Все вроде бы просто, да? Сферы влияния поделены, мировая сеть разбита по секторам, никто никому не мешает.

— Ну и чего ты мне лекцию читаешь? — слегка прибалдев, поинтересовался я. Странно он для эстэпэшника начал, весьма странно.

— А это чтобы лучше тебя видеть, внученька, — хохотнул Олаф. Чтобы постепенно обрисовать довольно занятную картину.

Он сейчас был непохож на себя. Глаза его посверкивали в лунном свете, я бы сказал, хищно. Голос изменился, пропала обычная ленивая хрипотца, исчезла блатная лексика. Словом, он снял маску. Или первую из своих масок.

— В общем, действительно, хватит прелюдий, — продолжал Олаф, отсмеявшись. — Это на первый взгляд кажется простой картиной, а на самом деле — сложно сплетенный клубок интересов. Ты ведь знаешь, Реализация коснулась не только Игр.

Я сухо кивнул. Его слова понравились мне еще меньше, чем эстэпэшная вербовка.

— Так что реализовались все алгоритмы. Другое дело, Игры вышли на первое место. Еще бы, затраченная на них душевная энергия юзеров несравнима с тем, что уделялось обычным софтам. Ну, работает у тебя DOS и работает, ты его, в общем-то, и не замечаешь. Ну, базы данных, редакторы текстовые — те посложнее, но как освоил, пользуешься на автомате, и мозги у тебя другим заняты. Вот с компиляторами люди изрядно ковырялись, но программистов-то относительно немного, в сумме их энергия не столь уж велика. Вот и получилось, что Игры царствуют, обучалки на подхвате, а остальные… Остальным тяжко приходится, Андрюша. Так что, понимаешь, у них свои интересы.

Это я понимал. Особенно если назвать остальных их истинным именем — вирусы. Им, кстати, приходится не столь уж тяжело. Конечно, об этом не говорят вслух, но я тоже не дурак, первое действие арифметики применять умею. Уж на что на что, а на вирусы душевной энергии люди затратили немеренно. И если

кто и может составить конкуренцию нашим Светлым Господам, так именно они, «бациллы».

— Мог бы и не распинаться, — заметил я, глядя на крутящиеся в лунном свете снежинки. — Все уже ясно, Олаф. Только я на такие дела не пойду, усвоил? Лучше три года загорать под ласковым северным сиянием, чем принимать процедуры в конторе дедушки Лозинского. Мне, знаешь ли, никак не улыбается пойти на биомассу.

— Андрюша, ну зачем так, — снисходительно улыбнулся Олаф. — Риска практически нет, да и услуга от тебя требуется пустяковая. Ну, в крайнем случае отговоришься тем, что забыл сценарий, ну, палок всыплют, перетерпишь. Вероятность этого от силы полпроцента. Зато в любом случае прикинь, что получается. Твой файл чуть-чуть подправят, окажется, что норму ты все-таки вытянул, а недобор — это ошибка, аппаратный сбой на центральном эстэпэшном сервере. Ошибка вовремя разъяснилась, тебя немедленно возвращают домой, в качестве компенсации за моральный ущерб вдвое уменьшается твоя месячная норма — в перспективе можно постараться ее вообще до нуля снизить. Пойми, костоломы Лозинского — легенда для массового юзера. Будь эти ребята и впрямь на что-то способны — мы бы с тобой сейчас тут не беседовали.

— Сказал бы хоть, на кого работаешь, — зевнул я, по привычке закрывшись ладонью. — Что за вирус?

— Ну почему обязательно вирус? — Олаф раздраженно сплюнул за борт. — Дались вам всем эти вирусы. Скажем проще — программа. Программа, которая тоже хочет жить. И которой, возможно, не слишком нравится Светлый ваш Господин Варкрафт. А ты часом не испытываешь ли к нему симпатии?

Вот теперь надо очень хорошо подумать. «Бациллам», я слышал, так запросто не отказывают.

— Кстати, три года на драккаре еще прожить надо, — негромко добавил Олаф. — А сие проблематично. Вспомни хотя бы сегодняшний вечерок. Ну ладно, случился рядом дядя Олаф, который не любит хамоватых подростков и хорошо умеет стрелять. А завтра дядя может и опоздать. Так что если очередной мальчик насадит тебя на шпагу — не обижайся. А ля гер ком а ля гер.

Да, «бациллам» не отказывают. Во всяком случае, сходу. Тем более, что как ни крути, а он меня сегодня спас. Это во-первых. А еще… Насолить Светлому Господину… Этой разъевшейся информационной хрюшке… Ненавижу!

— Ну, предположим, я соглашусь, — задумчиво протянул я, глядя ему в светящиеся глаза. — Чего конкретно ты от меня

хочешь?

— Вот это правильно, — кивнул Олаф. — Взрослые слова. Значит, так, кореш, — надел он прежнюю маску. — Послезавтра по гребанному ихнему сценарию орки снова сунутся, на тебя, значит, полезет один такой, толстый, в рыжем плаще. Это в натуре наш кадр, он в курсах. Значит, как он копьем замахнется, вались ему под ноги. Мужик через тебя перескочит — ну, будто сделал тебя, и дальше полезет. Это уже не твоя колода. Лежи себе смирненько, пока махаловка не кончится. Главное, не тормози мужика. А как через неделю в Белопенную Гавань войдем, так сразу тебя с этой консервной банки снимут.

— И каковы же гарантии? — усмехнулся я.

— Обижаешь, Свенушка, — отозвался Олаф. — Наша программа честных юзеров не кидает. На том стоим.

Мне ничего не оставалось, кроме как ему поверить. Потому что иначе — вообще ничего не оставалось.

6

Наверное, я и тогда понимал, чем все закончится. Ныло у меня в глубине души. Если, конечно, оставались еще и душа, и глубина. Если я хоть немного отличаюсь от раскрашенной куклы. Кажется, будто все, кому не лень, дергают за веревочки, а я — я послушно трепыхаюсь. Делаю то, что должен. По мнению тех, кому виднее. Тех, у кого прошу прощенья за раннее прощанье, за долгое молчанье и поздние слова. Опять некстати привязалась та самая песня. Как там дальше? Нам время подарило пустые обещанья, от них у нас, Агнешка, кружится голова.

Вот это точно. Каким же я, наверное, выглядел идиотом, когда в Белопенной Гавани ко мне подошли трое… Не успел даже по твердой земле побродить, отдохнуть от вихляющей все время палубы. И ведь, самое смешное, был уверен, что сейчас поведут в контору — освобождать. Поверил гаду Олафу, купился словно дошколенок на конфету. Уже прикидывал, как добраться до Осло, оплатят ли мне самолет до Питера. Должны оплатить, раз уж вскрылась ихняя, эстэпешная накладочка. И без малейшего сомнения пошел с этими тремя юношами в контору. Они были так вежливы, прямо-таки под руки вели. А когда я понял, что контора-то контора, да малость не та, возмущаться уже не имело смысла. Да и трудно это, возмущаться, когда на твоих запястьях защелкиваются наручники, а ты получаешь по почкам — для профилактики, просто чтобы жизнь медом не казалась.

В тесной — два на три метра — камере можно только стоять или сидеть на полу. Табуретов здесь не предусмотрено, а откидная полка-кровать убрана до отбоя. Можно еще ходить — пять шагов в длину, три в ширину. Из всех благ цивилизации — белый унитаз. В принципе, сидеть можно и на нем, но крышки нет, и потому я предпочитаю серый линолеум пола. Сказать, что сижу я в позе лотоса, было бы преувеличением. Хоть и занимался в свое время восточно-азиатским средневековьем, но сие нисколько не повлияло на мои привычки.

Впрочем, терпеть неудобства осталось недолго. В конторе старика Лозинского все оптимизировано. Выжав из лимона сок, желтую шкурку выбрасывают в ближайшее мусорное ведро.

Желтая шкурка — это я. Вернее, то, что от меня осталось после допроса.

Конечно, я все рассказал. Не знаю, сохранились ли еще где-то в заповедных местах несгибаемые борцы? Но в этих подвалах умеют разговаривать с людьми.

Нет, не было ни дыбы, ни жаровни, ни кресла Тоца-воителя,

ни перчаток великомученицы Паты. И никто не убеждал меня в том, что люди ходят на руках и люди ходят на боках. Меня вообще ни в чем не убеждали. Господам Алгоритмам, — скучающе пояснял мне следователь, — плевать, как мы к ним относимся и что по поводу Реализации думаем. Главное играть по их правилам. Им, Светлым Господам, не опасен закомплексованный историк Андрюша Ерохин. А вот вирусы доставляют изрядные неудобства. Поэтому уже пятый год как действует ЦСАК — Центральный Сервер Антивирусного Контроля. И дело этого самого Сервера — пресекать. И вирус пресекать, и того, через кого он действует. Пресекать — значит, лечить. Это гуманно, и я должен быть благодарен. А для начала — рассказать все, что знаю, о некоем блатном мужичке Олафе.

Собрав куцые остатки гордости, я усмехнулся. Это все, что можно было себе позволить. Общеизвестно: абсолютное молчание — единственный шанс допрашиваемого.

Следователя Гришко я не удивил.

— Ну ладно, Андрей Михайлович, мы уважаем вашу свободу, не станем насиловать ее уговорами. Но время не терпит, поэтому уж извините, но…

Укол я почти не почувствовал. Это говорило об огромном опыте пожилой очкастой медсестры. И о том, что в данном заведении и впрямь не чужды гуманизму. По сравнению с тем, что понаписано во всяких Гулагах-Архипелагах, здесь работают совершенно нормальные люди. Почти интеллигентные. Испытывающие естественное отвращение к любому насилию будь то издевательство над беззащитной собачонкой, будь то жестокое обращение с подследственными. Или гнусное, садистское вторжение в информационные слои Алгоритма. Как же это низко, подло — внедрять разрушительные байты вирусного кода в программный модуль! Как это больно, когда безжалостно рвутся структуры данных, перехватываются жизненно важные прерывания, а хитро маскирующийся вирус жжет тело программы словно засевший в кишках отравленный наконечник стрелы! Такую мерзость нельзя прощать, и нельзя прощать жалких людишек, продавшихся за жирный кусок. Гнусное создание, темный код, обещал им многое — но обещаниям этим грош цена, в конце концов вирус все равно обманет. Впрочем, даже к ним, к предателям, непонятно почему именующимся людьми — даже к ним стоит проявить жалость. Даже у них еще есть шанс. Чем раньше выявлена болезнь — тем эффективнее лечение. А здесь, на Сервере, им и в самом деле помогут. Вот склонился надо мною следователь Гришко — еще не старый, но опытный врач людских душ, его волевое, заострившееся от недосыпания лицо кажется

висящим в черноте лунным шаром. Его требовательные глаза не в силах скрыть жалость и доброту.

Конечно, я рассказал все. Память стала вдруг необычайно ясной, всплыли в сознании каждая черточка, каждый жест и взгляд Олафа сделались отчетливыми, как на старинных фотографиях. Я говорил, захлебываясь словами, спешил сообщить любую подробность, любую мелочь — и когда темная пелена заволокла мир, губы мои еще шевелились.

А в себя я пришел уже здесь, в камере, напротив сияющего унитаза, в котором отражалась забранная металлической сеткой лампочка.

7

В конторе действительно все оптимизировано. Ресурсы экономят. Да и некий остаточный гуманизм имеет место. В общем, долго мандражировать мне не пришлось. Лязгнул дверной замок, и на пороге явились двое, похожих как родные братья — плотные, стриженные, в черной коже.

— Ну что, Ерохин, пора… — скучающе протянул один из них. Второй молчал, но его взгляд буравил мне переносицу. Нехорошо он смотрел, и нужно быть совсем уж идиотом, чтобы не понять смысл его взгляда.

Я и раньше слышал о том, что случается с попавшими сюда. Говорить на эту тему можно было совершенно свободно. Ведь на гласность и прочие «общечеловеческие» никто не покушался. Вот так и живем, в двух измерениях. Независимые газеты, парламент, оппозиция — это с одного боку. А с другого — Светлый Господин наш Варкрафт III. Между боками — Служба Технической Поддержки. Да еще сия богоугодная контора. Причем гуманизм здесь, в конторе, остаточный, а никак уж не избыточный. Зараженный вирусом юзер слишком опасен, чтобы его перевоспитывать, лечить трудом и все такое прочее. Нет, Господа Алгоритмы не могут рисковать, а людским ресурсам пока что конца не предвидится. Поэтому — на биомассу.

Видимо, у меня пониженный инстинкт самосохранения. Возможно, это генетический дефект, не знаю. Но только сейчас мне не было ни страшно, ни больно. Как-то вдруг разом все надоело. По крайней мере, не придется больше давить на кнопки омерзительной клавиатуры, набирать абстрактные очки, кормить ими Светлого нашего хряка. Незачем размахивать мечом на скользкой палубе драккара, отбиваться от орков-старшеклассников, никогда уже не сделают мне укольчика, превращающего человека в радостную куклу. А человек ли я еще?

Маму только вот жалко. Одинокие вечера возле телеэкрана, мыльные сериалы и реклама гигиенической жвачки, а за окном — белое буйство метели.

Но там, где ты ни на что не способен, там ты не должен ничего хотеть.

— Давай, Ерохин, шевелись, — напомнил мне кожаный охранник.

В самом деле, еще не хватало, чтобы под локти тащили… Туда… А кстати, как происходит это? Впрочем, хрен с ним, лишь бы быстро. И я наконец отдохну. Можно сказать, мне досталась путевка в санаторий.

Я шел между хмурыми охранниками по пустынным коридорам, залитым неживым светом люминесцентных ламп, механически перебирал ногами и ни о чем не думал. А о чем может думать биомасса?

…Бетонный пол, бетонные стены, и, для разнообразия, дверь, в которую меня направили несильным, но уверенным тычком. Значит, здесь? В этом непонятно как назвать? Ни на камеру, ни на комнату помещение не тянуло. Просто — здесь.

— Мне как, лицом к стенке? — нервно усмехнувшись, поинтересовался я у охранника. Страшно не было. Было скучно.

— Грамотный, — кивнул один из кожаных другому. — Ты только вот что… Погоди это… к стенке. Успеешь еще. Тут, значит, поговорить с тобой хотят.

С этими словами он плавно развернулся и исчез в дверном проеме. Второй последовал за ним, обернувшись на пороге. Во взгляде его читалось откровенное удивление.

Дверь негромко всхлипнула и со щелчком закрылась. Остался только обескураженный человечек внутри бетонного кубика. Да еще оголенная лампочка на потолке — таком высоком, что и ниндзя бы не достал в прыжке.

Впрочем, долго скучать мне не пришлось. На противоположной стене явственно обозначилась прямоугольная щель, беззвучно отъехала в сторону казавшаяся монолитной плита — и передо мной возник темный, Бог знает куда ведущий проход.

А еще спустя мгновение оттуда появилась фигура. В дорогом кремовом костюме, при искусно подобранном галстуке. Но узнал я его сразу.

— Ну, привет, Свенушка! Не заскучал? — улыбнулся Олаф одной из своих улыбок. Той, что занимала место между блатным оскалом и иронической ухмылкой.

8

— Ну вот, теперь пора поговорить всерьез, Андрюша.

Олаф стоял, прислонившись к бетонной стене. Видно, испачкать костюм он не боялся. Интересно, долго ли протянется «разговор всерьез»? А то ноги у меня уже затекли.

— Слушайте, Олаф, а нельзя организовать какие-нибудь табуретки? почему-то я перешел на «вы», хотя на драккаре между нами все было проще.

— Вот как раз это сложно, Андрюша, — ядовито усмехнулся Олаф. — И знаете почему? Ничего нельзя организовать для того, кого нет.

— То есть?

— То и есть. Вас нет, Андрюша. Гражданин Ерохин А.М. ликвидирован в 22–47. Примерно, — взглянул он на часы, — примерно пять минут назад. Идентификационный номер исключен из реестра, файл стерт.

— Получается, я умер? — в горле у меня пересохло. Уж на что — на что, а на загробную жизнь я не рассчитывал. Не верил я в нее, в загробную.

— Вы задаете сложные вопросы, Андрюша, — прищурился Олаф. — Что есть человек?

— Двуногое без перьев, — охотно отозвался я. Ничем иным в эти минуты я себя не чувствовал.

— Вот именно, — кивнул он раздраженно. — Или, точнее, файл на центральном сервере, идентифицируемый десятизначным кодом. Поэтому уже пять минут как вас не существует — с известной точки зрения.

— Так это не загробная жизнь? — облегченно выдохнул я.

— Ну, ее можно назвать виртуальной. Вы есть — и вас нет.

— Кстати, а как насчет вас, Олаф?

— Меня тоже нет, Андрюша. Так что на табуретку претендовать не могу. Ладно, давайте к делу. Ну, во-первых, прошу прощения за все, что случилось с вами за последнее время.

— Это начиная с ареста в Белопенной Гавани?

— Раньше, Андрюша, раньше. И ваш недобор нормы, и Коллектор, и каникулы на драккаре — это уже следствие. Но поверьте, так было надо. Иначе ваш файл не удалось бы стереть.

Он глядел вроде бы виновато, но широкие его зрачки напоминали черные дыры, ведущие в какие-то странные, глухие измерения.

— Загадками изволите говорить, уважаемый.

— А вы хорошо владеете собой, — не замечая моей иронии,

хмыкнул Олаф. — Впрочем, так и должно быть. Нормальная реакция для вашего психотипа. И добавлю, весьма редкая. Мы два года искали подходящую кандидатуру.

— А теперь по порядку, Олаф. — Мне уже успел надоесть его легкий треп. Тем более, отчего-то стало смешно. Видимо, истерическая реакция на несостоявшуюся казнь. Не хватало еще прыснуть, как лопоухий первоклашка, которому показали пальчик.

— Что ж, давайте по порядку. Повестку дня сами предложите?

— Предложу, — кивнул я. — Пункт первый — кто эти ваши «мы». Пункт второй — «для чего искали». И третий — почему забыли поинтересоваться моим согласием.

— Начнем с конца, Андрюша. — откашлявшись, начал Олаф. — В вашем согласии мы были уверены. Впрочем, в делах такого масштаба не обращают внимания на волеизлияния одиночек. Ведь тут речь, как ни напыщенно это звучит, о судьбе человеческой цивилизации. Кое-о-чем мы с вами говорили еще там, на драккаре, но давайте все же суммируем. Итак, идет война. Схлестнулись две расы. Даже не расы, нет — две формы жизни. Вещественная и информационная. Господа Алгоритмы оккупировали Землю. Человечество, по сути, попало в рабское состояние. И рыпаться невозможно. Светлые Господа, как вы знаете, контролируют все ракетные установки. Если что, им ядерная зима не страшна. В бункерах выживет достаточно игроков. Впрочем, они нас кормят, организуют безлюдные технологические циклы, управляют экономикой и индустрией развлечения. Кнут и пряник. Они нас холят и не дают передраться, мы реализуем их структуры. Доктора философских наук, типа Слезова, рассуждают о плодотворном симбиозе двух ноосфер. Кстати, Слезов, как лицо, обремененное интеллектуальным трудом, освобожден от месячной нормы.

Он помолчал, а затем неожиданно тихо спросил:

— Хотите знать, что будет?

— Да я и так понимаю, что будет, Олаф. Вырождение. Три-четыре поколения — и о цивилизации можно забыть.

— Правильно понимаете. Вот и взвесьте. Чего стоит ваше согласие, да и жизнь, по сравнению с десятком миллиардов?

Мне вдруг стало очень холодно.

— То есть… Олаф, вы говорите так, будто есть какой-то шанс. Но сами же только что сказали — ракетные установки, мировая сеть.

— Ну что ж, пора переходить к первым двум вашим пунктам. Вспомните, с чего все началось?

— Ну, пять лет назад. Заявление Аргунова. Смешки на этот счет по всем развлекательным каналам. А через месяц — Реализация.

— Совершенно верно. Только давайте уточним, что же именно тогда произошло. Аргунов был великим программистом. Об этом знали многие. В том числе и его начальнички в московском отделении «Майкрософта», устроившие ему сокращение штатов. Болтал он, понимаете, лишнее насчет запланированных недоделок Windows-2003. Ладно, это все лирика. Мало кто знал, что он еще и увлекался оккультизмом. И сам имел некоторые способности. Хотел выразить древние тайны средствами информатики. Вот и открыл Формулу Перехода. Что кончилось для него печально.

— Угу… Сраженный коварной пулей вирусовского наймита… Плывут пароходы — салют Аргунову, ползут паровозы — привет Аргунову… В зубах, знаете ли, навязло.

— Все было не так, Андрюша, — ответил он сухо. — Максим Аргунов должен был умереть. Того требовала Формула Перехода. Сейчас не время вдаваться в детали, но суть такова: из ничего не возникнет нечто. Чтобы Господа Алгоритмы обрели жизнь, кто-то должен был ее отдать. Чтобы программы стали живыми, живой должен стать программой. И он стал. Все, что вы получили за пять лет — не более чем реализация этой программы. Она крутится, алгоритмы наслаждаются существованием. А глупый амбициозный Аргунов стал цепочкой ассемблерных операторов. И понял, что натворил. Увы, слишком поздно.

— То есть как? — вновь не понял я. — Вы же сказали, он умер.

— А что есть смерть, Андрюша? Да, тело его распалось, но кроме тела, есть еще что-то.

— Значит, все-таки загробный мир?

— Он не верил в загробный мир. И не получил его. Остался здесь, остался программой. Только вот все программы-то ожили. Реализация, мать ее. И он тоже получил иллюзорное бытие. Знали бы вы, как это больно! Ведь одни только придурки наслаждаются, вроде Мортала Комбата или, к примеру, вашего Варкрафта. Они наслаждаются, он страдает. Знаете, тут как в огне. Глину закаляет, солому жжет. Пламя-то одно и то же.

— А вы, Олаф, откуда все это знаете?

— От верблюда. Неужели еще не догадались, Андрюша?

— Но… — я не нашелся что сказать.

— Надоело говорить в третьем лице, — с усилием выдавил он. — Да, господин Ерохин, то, что вы видите — лишь картинка. Трехмерная. И слышите вы оцифрованный звук. Задействовать

здешнюю периферию несложно. Вот стереть файл, увы, не в моих силах. У них такая система защиты, что не сунешься.

— Но как же там, на драккаре? — прошептал я непослушными губами. Казалось, еще немного — и свихнусь окончательно. Хотя куда уж дальше. — Ты и греб, и мальчика… того… из арбалета… Это что, тоже оцифрованный фантом?

Незаметно для самого себя я вновь перешел на «ты».

— Нет, — грустно сообщил Аргунов. — Там был один из наших. Я потому и взял сейчас его образ. Чтобы хоть частично избежать глупых вопросов.

— Из наших… То есть программ? — глупо поинтересовался я.

— Нет, людей. Понимаешь, план возник давно. Но своими силами мне бы не справиться. Нужна была команда. И я ее собрал. Люди знали, на что шли, хотя я и не посвящал их в излишние подробности. Незачем.

— А эти, стриженные, ну, которые охранники? Тоже борцы за идею?

— Купленные, — устало отмахнулся бывший Олаф. — Но таких мало. Предпочитаю работать с иным материалом. Чтобы цепочка была крепкой.

— И я, значит, очередное звено?

— Нет, Андрюша. — хмуро произнес Аргунов. — Ты — конечное звено.

Он надолго замолчал. А у меня слегка кружилась голова — не то от услышанного, не то от усталости. Все же здесь очень не хватало табуреток.

— Значит, так, Андрюша. — продолжал он уже спокойнее. — Формула Перехода. Клин, видишь ли, вышибают клином. Реализация действует до тех пор, пока существует программа «Макс Аргунов». Надо стирать. Но не с конкретного носителя, это ничего не даст. Ты же понимаешь, информация от носителей не шибко зависит. Единственный выход — внедрить в ее тело небольшой код. Несколько простеньких операторов. После чего алгоритм самоудалится. Догадываешься, откуда возьмется этот самый код?

Мне нечего было ответить.

— Им станешь ты, Андрюша. Формула Перехода. Тебе надо превратиться в программу, чтобы закрыть Реализацию. Ты понимаешь, что это значит?

Я кивнул.

— Да ни фига ты не понимаешь, — неожиданно злобно выдохнул Макс. — Тебя не станет. Ты умрешь абсолютной смертью. Исчезнет твоя личность, твоя память, растают все твои мысли. Это не чернота вечного сна, это хуже. Несколько минут

виртуальной жизни, пока твой код не сотрет меня, а после — все, полный абзац. И не надейся на загробный мир. Для таких, как мы с тобой, его нет.

— Можно подумать, у меня есть выбор, — иронично улыбнулся я, глядя в блеклые серые глаза Аргунова. Мне вдруг почудилось, что сквозь его тело проступает грязная бетонная стена. Но тут же все восстановилось. Секундный сбой графики?

— Выбор всегда есть, Андрюша, — хмыкнул он. — Только в твоей ситуации он не слишком разнообразен. Или ты произносишь Формулу Перехода, или, извини, остаешься здесь. В четырех бетонных стенах. Вывести тебя наружу я не смог бы даже при всем своем желании. Ты выбираешь форму смерти, не больше. Но и не меньше.

— А что, нельзя было пообщаться у меня дома? Еще до известных событий? Возник бы посреди монитора… Обязательно надо было меня сюда тащить?

— Обязательно. Формула не сработает, пока с тобой связан идентифицирующий файл. А убирается он, извини, только так. Отсюда и сюжет с вербовкой и вирусом.

— Кстати, что был за вирус? Интересно все-таки…

— Three-Half 2010, если тебе это что-то говорит. А если точнее, не было вируса. Сымитировал я червяка. Его-то как раз несложно. Старый хрыч Лозинский купился.

И тут я спросил то, что все это время не давало мне покоя.

— Но почему именно я?

— Психотип такой, — грустно обронил Макс. — Я же говорил, долго искали. Лишь тебя Формула Перехода способна превратить в нужный код. В информационном мире ты можешь стать только тем, чем был здесь, в жизни.

— Выходит, я не более, чем код-разрушитель? А я-то надеялся…

— Не больше, — подтвердил Макс. — Но никто, кроме тебя…

— Сериал такой был старый, — улыбнулся я.

— Знаю, — кивнул Макс. — Жена смотрела, не оторвать.

— Сейчас-то она как? — не удержался я от вопроса.

— Никак… — Аргунов отвел взгляд в сторону. — Господа Алгоритмы решили подстраховаться.

— Даже так?

— А ты думал? Среди них не только дурные игрушки. Взять того же 2003-го. Кое-кто о чем-то догадывается. Вот и обнулили все данные. Чтобы никто не вывел Формулу.

— Значит, не только жену?

— Не только… Ладно, к делу. Долгие проводы — лишние слезы. Решай. И не затягивай сей процесс — я же не могу вечно

держать здешнюю периферию.

Я кивнул. Почему-то вспомнился мне плюшевый медвежонок, был у меня в детстве такой приятель. С такими же тусклыми глазами-пуговицами.

Странный он все-таки, Аргунов. Чего тут решать, если выбор прост — с маслом ли тебя, со сметаной ли…

9

Низкие, разлохмаченные облака ползли по мышиного цвета небу. Влажный ветер лизал мою голову точно язык невидимой коровы, трепал длинные, тускло-серебристые волосы, и те то и дело закрывали мне обзор.

Впрочем, тут не было ничего интересного. Плоский, от горизонта до горизонта луг, поросший высокой травой, огромные замшелые валуны, изредка нарушающие зеленое однообразие, пара темных точек под облаками надо полагать, птицы. Правда, более всего они напоминали мне то, что отличает букву «ё» от «е».

Я усмехнулся — шутка получилась невеселая.

Значит, вот так? Пять минут назад, еще в бетонном кубе, Аргунов предупредил — внешний вид виртуального пространства предсказать невозможно. Оно — порождение моей психики, и никто, кроме меня… и так далее. Во всяком случае, произнося Формулу Перехода — семь странных, ни на что не похожих слов, я не думал, что все получится настолько просто. Ветер, трава, птицы. И я сам — высокий, длинноволосый, с тяжелым, чуть расширяющимся к острию мечом. И куда только делись близорукость, основательные залысины, испорченная сколиозом спина? Впрочем, именно так, по-моему, и должен выглядеть код-киллер. Не ассемблерные же операторы мне представлять. Я же не Аргунов…

Кстати, пора бы ему и появиться. Он тогда сказал, что восприятие установится не сразу, пусть я ни о чем не волнуюсь. Виртуальность не любит суеты.

Я и не суетился, но все же интересно было — а какой облик примет злополучный Макс? Хотя и это, по его словам, зависило от заскоков моего подсознания.

Мое подсознание не подвело. Легкий шелест травы, прядь серебристых волос, брошенная мне на глаза теплым ветром, я мотнул головой — и увидел его.

На сей раз он был не в жестяных латах. Желтая футболка с изломанной надписью — «Давить проклятые форточки!» — выбилась из спортивных брюк, на ногах имели место поношенные кроссовки. И лишь копье, с широким древком и тусклым длинным наконечником, напоминало зимний бой на палубе драккара.

— Это, значит, ты, Аргунов? — сипло выдохнул я, глядя на полоску над верхней губой. То, что там произрастало, ну никак не тянуло на усы.

— А кто, доктор Айболит, что ли? — хмыкнул парнишка. —

Как, освоился, Андрюша?

— Чего тут осваиваться, — вздохнул я. — Скажи лучше, что дальше-то делать?

Он как-то неуверенно поглядел на меня.

— Ты что, не понял? Вроде бы я все объяснил. Так что давай, киллер, действуй.

— То есть? — переспросил я и, уже спрашивая, догадался.

— То и есть. Для чего у тебя меч, спрашивается?

— Так я… это… Должен тебя рубить?

— Нет, капусту шинковать, — скривился он. — Давай, не тяни.

Я положил пальцы на рукоять. Та почему-то оказалась теплой, точно живая.

Расстояние между нами не превышало длины меча. Это было так просто — вытянуть из ножен клинок, развернуться к парнишке боком и, рассекая свистящий воздух, обрушить металл на его шею. Все займет не больше секунды. Колени его подогнутся, он ойкнет и медленно, невыносимо медленно осядет в мокрую траву. И рысплывется темное пятно, только сейчас не подернется льдом, не та погода — просто впитается в жадную землю.

Еще недавно у таких вот пацанов-первокурсников я принимал экзамены.

— Знаешь, трудно вот так, сразу, — кривя губы в жалкой улыбке, пробормотал я.

Лицо его дернулось.

— Ты что, охренел, Андрей Михалыч? Там, на драккаре, ты вел себя умнее.

— Так и ты там копьем орудовал дай Боже! Я только защищался, а тут…

— На драккаре меня не было, не забывай, — холодно бросил он, глядя куда-то в сторону. — С кем ты там махался, не имеет никакого значения. А я — Аргунов Максим Викторович, жирная сорокалетняя сволочь. И ты обязан! Мне плевать, какие тебе глюки мерещатся! Ничего этого нет, мы с тобой всего лишь суперпозиция информационных полей. Это только кажется, что рубить, что кровь брызнет. Выкинь из головы! Ты на самом деле блок операторов в мою структуру внедришь. Мы — программы, Андрюша. Мы должны выполняться! Я понимаю, — добавил он чуть мягче, — ты поверил в мираж. Это бывает с непривычки, но себя надо преодолеть. Ты должен. Ради Земли! Ради свободы…

Я понимал, что он прав. Когда решается судьба человечества, что значит семнадцатилетний вихрастый мальчишка? Которого к тому же нет. Когда под крик гармони уходим мы привычно

сражаться за свободу в свои семнадцать лет. Совсем некстати вспомнилась эта песня. Я тоже вроде как сражаюсь за это самое… Но почему не тянет меня хвататься за саблю с надеждою в глазах? Не потому ли, что нет уже у меня ни надежды, ни глаз? Да и меня нет.

Если бы он сопротивлялся, если бы вновь начал орудовать копьем, может… Но он стоял молча, глядел отчаянными серыми глазами. Которые как небо над головой. Которых нет.

Все это, если подумать трезво, было смешно. Эмоции интеллигентного размазни — и рабство десяти миллиардов «юзеров». Боязнь запачкать виртуальные руки — и самое что ни на есть настоящее вырождение цивилизации. Это было просто смешно. Но что делать, если нас с детства обделила иронией природа? Старая песня не могла ответить. Я всю жизнь делал то, что должен. А уж тем более то, что обязан. Только вот был ли я? Свобода быть собою, не спать всю ночь свобода… Свобода! Она была моей верой, моей жизнью, моим дыханием. И ради нее я делал то, что должен. И что обязан. Как сейчас вот обязан поднять непослушный меч. Защитить свободу. Только вот где она?

Медленно, миллиметр за миллиметром, серое лезвие выползало из ножен. И рукоять становилась все теплее и теплее.

Нас с детства обделила иронией природа.
Есть высшая свобода — и мы идем за ней.

А есть ли она, высшая? Может, все проще — не спать всю ночь, выбрать поезд, не гасить огней? Поднять меч…

Две темные точки, две неподвижные птицы глядели с низкого, но такого недоступного неба. Две темные точки замерли напротив друг друга в густой мокрой траве. И не знали, над какой они буквой.